

показания» В. Генкелью. Приводим полностью текст письма, поскольку на русском языке оно публикуется впервые:

«Медап, 18 апреля 1884 г. Мосье, я задержался с ответом на ваше письмо от 23 декабря 1883 г., потому что хотел дать вам положительный ответ относительно русского романа, который вы мне рекомендовали. Меня заверили, что он действительно представляет собой одно из выдающихся литературных явлений, но я потолкнулся на полное равнодушие у тех издателей, с которыми заводил о нем разговор. Они уверяли, что во Франции не находят сбыта переводные книги. Так оно и есть на самом деле. Я думаю, нужно подождать. И тем не менее я вам признателен за то, что вы обратили внимание на это произведение. Примите заверение в совершенном моем почтении».¹

Письмо Э. Золя примечательно также и тем, что в нем словно запрограммирован двойственный характер раннего восприятия Достоевского во Франции. С одной стороны, безоговорочное признание крупного писателя-реалиста, а с другой — осторожность, недоверие к Достоевскому-художнику, повторство которого французская критика не сразу сумела оценить.

Э.-М. де Вогюэ, как известно, воздав должное русским писателям как создателям реализма более высокого типа, чем французский, отказывал им в то же время в умении строить композицию, сетовал на бесконечные повторы и длинноты в их книгах, на их чрезмерный объем. Роман «Братья Карамазовы», например, показался Вогюэ «бесконечной историей», которую даже в России немногие смогли прочесть до конца.² Однажды упомянутый выше Генкель присутствовал на репетиции спектакля по роману «Преступление и наказание» в парижском театре «Одеон» и стал там невольным свидетелем беседы каких-то двух «молодых французских писателей». «Вот уже два года, говорил один, как в нашем обществе вошло в моду говорить о русской литературе. Имена Достоевского и Толстого не сходят с уст, но кто их читает? И у меня есть этот „Раскольник“, но пока он еще даже не разрезан; А я, — отвечает другой, — вот уже целый год читаю „Войну и мир“ Толстого, открывая книгу наугад, но не в состоянии одолеть больше нескольких страниц. Это прекрасно, но — боже! — как долго!».³

¹ Henckel W. Dostojewskijs «Raskolnikow» auf der französischen Bühne. — Das Magazin für die Literatur des In- und Auslandes. 1888, 57. Jg., № 45, S. 708.

² Vogüé E. M. Le roman russe. Paris, 1886, p. 265.

³ Henckel W. Dostojewskijs «Raskolnikow»..., S. 708.

ДВА ПИСЬМА А. П. СУСЛОВОЙ К Я. П. ПОЛОНСКОМУ

(Публикация Г. Л. Боград)

1

А. П. Суслова — Я. П. Полонскому

11 апреля 1863 г. Париж

Яков Петрович!

Я все собиралась писать вам и все откладывала со дня на день, думая найти сообщить вам что-нибудь интересное, но этого должно быть долго ждать. Я почти нигде не была, ничего не видела и думаю оставить осматривать Париж до приезда Федора Михайловича. Теперь я хочу хорошенько заняться языком. Я вам очень благодарна за данные мне письма; Тургенева я не застала, он уехал в Баден-Баден,¹ а по другому письму была два раза и пахочу это знакомство приятным и полезным. Устюжские² меня приняли прекрасно, дают разные советы и приглашают часто быть у них, чему я очень рада. Я живу у М^{ме} Щелковой, и она мне немножко надоела, потому что вмешивается в мои дела. В Брюсселе я не была и нигде по дороге не оставалась, кроме Берлина, которого тоже не видела. Если вздумаете писать мне, я буду очень рада, тем более что, кажется, скоро пачну очень скучать. Во всяком случае я довольна моей поездкой, потому что она меня избавила от присутствия людей и вещей, которые мне не нравились, и поможет стать от них более независимо; кроме того, может быть, даст возможность хоть педелью жить так, как хочется; это большое благо и дастся педелью. Если общий смысл жизни не дастся, так что по пути к его пониманию встречается бездна сомнений, пужно брать то, в чем уверен. До сих пор я не встречала здесь ни одного человека, сколько-нибудь близкого по мнениям, и думаю, что пропаду со скуки, если не приедет Федор Михайлович.

Аполлиария Суслова.

863. Апреля 11. Париж Rue Mazarine № 40

М^{ме} Tchelkoff с передачей мне, впрочем, если вздумаете писать, пишете: Poste restante, потому что перемешу квартиру.

Желаю вам наслаждаться Петербургом.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, 12497, № 3, с. 5—6. Аполлиария Прокофьевна Суслова (1840—1918) — близкий друг Ф. М. Достоевского. Печатались в журналах «Время» и «Эпоха». Сложные отношения Достоевского с А. П. Сусловой и ее своеобразный характер plainly отражены в романах «Игрок» (Шолшна), «Идиот» (Настасья Филипповна), «Бесы» (Лиза Тушля), «Братья Карамазовы» (Екатерина Ивановна). Об А. П. Сусловой см.: Суслова А. П. Годы близости с Достоевским. Дневник; Повести; Письма. М., 1923; Долинин А. С. Достоевский и Суслова. — В кн.: Достоевский; Статьи и материалы. Л., 1925, 2, с. 150—283;

Штакенштейндер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). М.; Л., 1934, с. 307—308.

Яков Петрович Полоцкий (1819—1898) — поэт, близкий знакомый Ф. М. Достоевского. В 1859 г., будучи редактором «Русского слова», помещал в журнале повесть Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» (№ 3 за 1859 г.). В 1861—1865 гг. печатался в журналах братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», позже в газете-журнале «Гражданин» (1873—1874 гг.), редактором которой был Ф. М. Достоевский. Сохранившаяся часть переписки Достоевского с Полоцким свидетельствует о дружеских отношениях, сохранявшихся между ними до конца дней Ф. М. Достоевского.

Об отношениях Ф. М. Достоевского и Я. П. Полоцкого см.: Из сношений Ф. М. и М. М. Достоевских с Я. П. Полоцким. (Из материалов Пушкинского Дома) / Сообщ. П. Козмин. — В кн.: Достоевский: Статьи в материалы. Пг., 1922, с. 453—460; Из архива Достоевского: Письма русских писателей. М.; Пг., 1923, с. 62—65.

Знакомство А. П. Суловой с Я. П. Полоцким, вероятно, можно отнести к 1861 или к самому началу 1862 г., так как Е. А. Штакенштейндер записала в своем дневнике 8 апреля 1862 г.: «Вчера были у Полоцкого, и познакомилась там с сестрами Суловыми». Очевидно, что в это время Полоцкий и А. Сулова уже были хорошо знакомы. Кстати, в этой же дневниковой записи — описание А. Суловой, ее точный психологический портрет периода близости с Достоевским: «Мне было с ними (сестрами Суловыми. — Г. В.) очень легко говорить, не так мамá. Она подошла к старшей, к Аннолигарии, сказала ей что-то вроде комплимента, а Аннолигарии ответила мама чем-то вроде грубости...» Мамá шла к Суловой в полной уверенности, что девушка с обстриженными волосами, в костюме, видом похожем на мужской, девушка, всегда являющаяся одна, посещающая (прежде) университет, нищая, одним словом эмансипированная, должна непременно быть не только умна, но и образованна. Она забыла, что желание учиться еще не означает, что сила воли, сбросившая предрассудки, вдруг ничего не дает...» Мамá не заметила в грубой форме ее ответа каивности, которая в моем разговоре с Суловой разом обозначила наши роли и дала мне ее в руки. Сулова, еще недавно познакомившаяся с анализом, еще не пришедшая в себя, еще удивленная, открывшая целый хаос в себе, слишком занята этим хаосом, она наблюдает за ним, за собой; за другими наблюдать она не может, не умеет» (*Штакенштейндер* Е. А. Дневник и записки, с. 307—308).

Приводимые письма свидетельствуют о доверии А. П. Суловой Полоцкому как близкому ей по духу человеку.

¹ В это время Тургенев еще находился в Париже. Он прибыл в Баден-Баден 2 мая 1863 г. (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем. Письма. М.; Л., 1963, т. 5, с. 118).

² Родственница Елены Васильевны Полоцкой (урожд. Устюжской), жены поэта, умершей в 1860 г.

2

А. П. Сулова — Я. П. Полоцкому

19 июля 1863 г. Париж

Верите ли, месяца полтора собираюсь писать вам. Да о чем писать? В голове какая-то путаница и тяжесть. Я не буду много распространяться о Париже, о моих впечатлениях, скажу только, что взгляд мой на Европу, на Россию, на состояние нашего общества только теперь начинает определяться, до сих пор он был не тот. Мне теперь как-то яснее представляется пассивная роль моих соотечественников в политических и общественных делах, и это меня бесит.

Здесь нас бранят варварами,¹ бесчестящими имя цивилизации, а сами зажгли плашки, когда узнали о взятии Мексика,² и за неделю кричали подлецам о взятии. Хороши мы, да и они не лучше.

С первого раза Париж мне слишком не понравился, но теперь, в новом обществе (я живу в мужском пансионе, где есть люди всех наций), я начинаю всматриваться в французов и пахожу в них много человеческого. Собственно моя жизнь устроилась довольно скучно: занятия и встречи одни и те же каждый день; я не спешу знакомиться, потому что нищу в людях что-нибудь общего. При тех условиях, при каких я живу в Париже, едва ли ужилась бы я так долго в другом каком городе: Германии или Англии. Я только что начинаю скучать и все собираюсь куда-нибудь ехать, хоть на неделю, по для занятий языком лучше еще подольше оставаться здесь. Осенью думаю съехать в Англию с дамой, у которой живу, и ее мужем; одна пуститься в Лондон, без языка, трушу. Как вы поживаете? Очень бы хотелось получить от вас письмо. Я слышала, что вы куда-то съездили. Вот тогда я буду ждать, что вы мне напишете, как нашли Россию. Вы не будете смеяться (как «С.-Петербургские» ведемости») над издали любящими отечество.³ Я не хвалюсь моей любовью к отечеству, но я не восполюшка; однако в жизни русских за границей пахожу смысл: во крайней мере чему-нибудь выучатся. Что же патриоты-то делают? Насколько у нас всякий делает то, что желает?

Я здесь довольно часто встречаюсь с англичанами и чувствую к ним полнейшее отвращение за их аристократизм и мораль, а между тем собираюсь жить в Лондоне и учиться английскому языку.

Апол. Сулова.

Мой адрес:

Rue St. Michel, St. Hyacinthe, 28 chez Mme Mirman.

Здесь я остаюсь на все время моего житья в Париже.

Устюжские теперь страшно далеко, но я у них бываю.

19 июля.

1863. Париж

Некоторые из моих сожителей такие французы, что, видясь с ними раз по 5-ти в день, я не слышала их голоса, чаще разговариваю с англичанином, но не люблю его очень.⁴

Печатается по подлиннику: ИРЛИ, 12497, № 1, с. 1—2.

¹ Газета «Дель» в № 16 от 20 апреля 1863 г. писала: «Варвар! Чего не делаем мы, чтобы понасть в другой чин, сколько поклонов и миллионов потрачено, чтобы заслужить повышения в Европе, чтобы своими сочла нас Европа, — ничто не берет!» (Из Парижа: Письмо П. Касьянова «П. Аксакову»).

² Речь идет о Мексиканской экспедиции (1861—1867). После установления республики в Мексике правительство Хуареса в целях восстановления экономического положения страны, пострадавшей в результате гражданской войны, решило отсрочить выплату займов Англии, Испании и Франции на два года. В ответ они предприняли против Мексики вооруженную интервенцию. Однако англичане и испанцы вскоре покинули страну. Французы же 10 июня 1863 г. захватили столицу — город Мехико (см.: С.-Петербургские ведомости, 1863, 13 (25) июля, № 157).

³ Речь идет здесь не о «С.-Петербургских ведомостях», а о газете «День». В ней утверждалось: «Наши чужокраинные русские обеспокоились; они хлопочут теперь о том, как бы примирить житье-бытье за границей с „любовью к отечеству“, с живым участием в его судьбах. Одним словом: они хотят любить Россию издали, и проследить любимицу ее — не расходуясь на эту любовь никакими пожертвованиями, не разделяя с Россией ее бед и напастей, не подсобая нести общую ношу» (День, 1863, 22 июня, № 25).

⁴ Последний абзац — приписка сбоку на первой странице письма. Письмо это характеризует политические взгляды Сушковой, находившейся в это время в Париже в ожидании Ф. М. Достоевского.

Упоминание об индивидуальности, возможно, дает дополнительный материал для комментария к роману «Игрок».

Л. М. РЕЙНУС

О РЕАЛИХ ДОМА КАРАМАЗОВА

Рассказывая о жизни в Старой Руссе, Л. Ф. Достоевская в своей книге писала: «Мы жили на маленькой даче полковника Гриббе. На сделанные с трудом во время своего пребывания на военной службе сбережения полковник построил себе маленький домик в немецком вкусе прибалтийских губерний, — домик, полный неожиданных сюрпризов, потайных стеновых шкафов, подъемных дверей, ведущих к пыльным винтовым лестницам».¹ Сопоставим это высказывание с описанием дома Федора Павловича Карамазова: «Много было в нем разных чулапчиков, разных прятков и неожиданных лесенок» (14, 85). Такое совпадение примет интерьера жилища самого писателя и героя его произведения позволяет видеть в вышеприведенном отрывке указание на реалии, отразившиеся в романе «Братья Карамазовы». Это было тем более вероятно, что на другие реалии указывала и А. Г. Достоевская.²

В воспоминаниях Л. Ф. Достоевской не все точно. А. К. Гриббе вышел в отставку не полковником, а подполковником, что знала и А. Г. Достоевская.³ Гриббе был сыном иркут-

¹ Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской. М.: Пг., 1922, с. 76.

² См.: Гроссман Л. П. Семипартий по Достоевскому. М.: Пг., 1922, с. 67, 68, 86.

³ Гриббе уволен в отставку «... подполковником с мундиром и пенсией полного жалования» (см.: Высочайшие приказы о чинах военных. 1859, 17 февраля; см. также доверенность А. Г. Достоевской на покупку дома 18 мая 1876 г. (Гроссман Л. П. Жизнь и труды Достоевского: Биография в датах и документах. М.: ГИ, 1935, с. 248)).

ского врача,⁴ и приписывали ему «немецкого вкуса прибалтийских губерний» звучало несубедительно. Из писем И. И. Румянцева и А. Г. Достоевской за 1899 г., когда производилась разборка дома в связи с его перестройкой, выяснилось, что «... он составной», «... спальни приделаны и не мастерски гораздо позже...».⁵ Видимо, Гриббе при выходе в отставку не построил новый дом, а купил уже готовый и лишь расширил его. Настоятельного и скептического отношения к выводу писателя А. Ф. Достоевского к словам своей тетки, высказанное в личном разговоре с автором. Несмотря на это, отвергать без проверки высказывание дочери писателя целиком было нельзя.

Интересующие нас особенности интерьера дома выяснились при просмотре материалов рукописного отдела Института русской литературы АН СССР (ИРЛИ).

В 1899 г. А. Г. Достоевская, воспользовавшись пребыванием в Старой Руссе дочери, решила разобраться с вещами, находящимися в своем доме. Ее письма перечисляют целый ряд вещей, которые надо запаковать и отправить в Петербург. Те же, что остаются, она просит убрать в кладовые. Сколько же их? Мы читаем, что «куски и кусочки обоев от кабинета» надо спрятать «в кладовую около столовой» (в другом месте — чулап около столовой). «Все подушки прихватки поставить в кладовую около кабинета». И, наконец, узнаем, что «бюсты царя и царицы <...> стоят в каморке около сортира».⁶ Можно предположить, что кладовые у небольших по размеру комнат могли выглядеть как «потайные стеновые шкафы».

Письмо Ф. Ф. Достоевского к матери за 1887 г. дало ответ еще на один вопрос. По ее поручению он проводит в доме ремонт — оклейку комнат, покраску дверей и лестницы. Он писал: «Ты спрашиваешь, как мы будем ходить в комнаты, если лестница будет выкрашена. Разве ты, мама, забыла, главную достопримечательность нашего домика? А потайная лестница? К чему же она и сделана? Ведь, что ни говори, а Александр Карлович Гриббе был запасливый человек».⁷

Где же находилась эта лестница? На плане перестройки второго этажа, находящемся в бумагах А. Г. Достоевской,⁸ указаны два лестничных пролета. Основная лестница ведет на веранду. Другая небольшая выгорожена в одной из комнат той части дома, что была пристроена позднее. К этой лестнице, видимо, и относятся слова И. И. Румянцева, который, поясняя А. Г. Достоевской свой план перестройки дома, писал: «И я предполагал бы так: из кухни вызу и из Вашей спальни (вернее, ком-

⁴ См.: Рус. старина, 1876, т. 17, с. 536.

⁵ ИРЛИ, ф. 100, № 30244, л. 261 (письмо датируется февралем 1899 г.); л. 139 (письмо от 9 февраля 1899 г.).

⁶ Там же, № 30412, л. 31, 32 (письмо от 1 сентября 1889 г.).

⁷ Там же, № 30364, л. 45.

⁸ Там же, № 30836 (снимок плана приведен в книге: Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1969, с. 37).